

ВЛАДИМИР МАТВЕЕВ
«ВСЁ ПЕТО-ПЕРЕПЕТО, А БУДТО В ПЕРВЫЙ РАЗ...»

[О сборнике стихотворений В. Поташова «По небу птичья
клинопись...»] // Огни Кузбасса. – 1981. – № 4. – С. 83-85.

Эпиграфом к единственной книжке Владимира Поташова «По небу птичья клинопись...», вышедшей посмертно в этом году в Кемеровском издательстве, я бы взял небольшое программное для поэта стихотворение:

Дорога через жито
И чибисовый лёт.
А вон стоит ракета
И будто слёзы льёт.

И я на поле этом
С мокринкою у глаз:
Всё пето-перепето,
А будто в первый раз.

И так рыдать хотелось,
Да вот не привелось.
Но плакалось, но пелось
И родиной звалось.

Здесь и до боли родные приметы отчего края, и горькие дни военного детства, память о которых всё-таки светла и свята, и лишённое самолюбивых притязаний желание сказать своё, выстраданное всей жизнью слово о матери-родине, о самом дорогом и заветном. Жаль, что слову не суждено было раскрыться в полную силу, что песня оборвалась едва ли не в начале творческого пути, но то, что сделано, добротнo по главной сути, не оставляет читателя равнодушным.

Говорить о «петых-перепетых» вещах и зарекомендовать себя при этом самобытным, согласитесь, – задача не из лёгких. За стихами Владимира Поташова встаёт судьба доверчиво-обнажённой, ранимой души, судьба человека, сохранившего, несмотря на суровые испытания, и чистоту помыслов, и поклонение красоте природы и людей, и неподдельный восторг мальчишеского романтизма. Читая этого автора, нашего товарища по перу, меньше всего думаешь о каких-то изобразительных эффектах (Владимир Поташов за ними не гонялся), а понимаешь, что всё написано как бы само собой, что иначе и быть не могло.

Вот эта органичность, искренность, традиционность в её добром понимании – свидетельство незаурядной натуры, истоки которой в прочных связях с народной основой, в умении глядеть на окружающее глазами неизбалованного лёгкими удачами человека, знающего цену Правде, Совести, Красоте, Труду. Каждое из этих слов не зря «с буквы пишется заглавной», ими измеряется самое важное на этой земле: «Беру ту Правду за

основу всего, что мне предложит рок, пускай суровым будет слово и трудным будет мой кусок».

Владимиру Поташову удавались лирические миниатюры. Он умел в восьми-двенадцати строках сконцентрировать интересную мысль, заставить взглянуть по-новому на, казалось бы, примелькавшиеся явления быта, придать им весомое гражданское звучание. Ну, чего, к примеру, примечательного в сером нахохленном воробышке, о какой тут поэзии может идти речь! Добро бы, рассказ зашёл о соловье – мастере удивлять нас прекрасными руладами. А вот с поташовским воробышком никакой соловей не сравнится, и всех перелётных птиц он превосходит преданностью родине:

По небу птичья клинопись,
Земля с теплом рассталася.
Все птицы к югу двинулись,
Немногие остались.

И с ними сад заохренный
И дождик этот редкий...
И вот сидит нахохленный
Воробышек на ветке.

И холода не пройдены...
И косточки б погреть...
И некуда от родины
Единственной лететь.

Автобиографический характер сборника не снижает его идейно-художественных достоинств. Тут нет сугубо личных моментов, любопытных лишь для себя и своих знакомых. Обычные факты жизни стали фактами поэзии и, если хотите, истории. Такова уж сила лирического откровения. Прозаическое занятие – грузить картофель, но молодой моряк, получив задание, рассматривает его как долг, «Поскольку вписан в общий строй и стал, как говорится, и боевой, и строевой, и прочей единицей». Да и понимать надо, что не в масштабе работы дело, а совсем в другом: «Я исполнял страны приказ как представитель флота».

О верности заповедям предков, о благодарной памяти потомков, о том изначале, откуда пошли на Руси наша крепость и сила, умение и готовность дать отпор любой тёмной силе, ничем неистребимая широта характера, души, помыслов – стихотворение «Псковщина»:

Сторона моя горькая,
Матерь опальная,
Всё приемлю, что есть
И что было когда-то:
Колыбельную песню, и речь повивальную,
И призывную медь вечевого набата!
Ведь я русский

и духом, и плотью, и кровью –
Я рождён на Руси и по-русски крещён,
И твоим молоком,
И твоею любовью,
И в твоей колыбели вспоён и возвращён!

И в пейзаже, и в стихах о любви, и в раздумьях морально-философского плана виден, прежде всего, мыслящий автор, стремящийся раскрыть тему глубоко, многогранно. Даже такие поэтические опыты Владимира Поташова, как «Облака проплывали...», «Во время оное, когда...» говорят в пользу автора, свидетельствуют о том, что он до последнего вздоха жил напряжённо, искал, не поддавался крутым обстоятельствам. Подводя черту под своей короткой жизнью, он имел право сказать:

Я дубы корчевал,
я скалы в щебёнку дробил,
Я старателем был и ваятелем был,
и воителем.
Только отчую землю, видимо,
странной любовью любил,
Потому как по ней, по родимой,
прошёл победителем.

И даже грусть ухода в небытие выглядит светлой под «весёлую волынку» лета:

И лето запаливает свои костры, –
Слышишь, играет весёлая волынка?
А я ухожу, это я ухожу, смотри,
Улыбающийся и жующий травинку.

Оставаясь во многом защитником и певцом здоровых народных, преимущественно крестьянских, представлений о духовных земных ценностях, верно воспринимая зерно русских традиций в быту, семье, работе, искусстве, понимая и давнее прошлое страны, и, скажем, сороковые годы, когда жёны оставались вдовами, дети сиротами, когда эти самые ценности капитально пересматривались, Владимир Поташов несомненно сумел остаться нашим современником. Между прошлым и настоящим, а в чём-то и будущим, он навёл свой поэтический мостик, не впадая в ложную патетику и умиление.

За грубовато-шутливой внешней манерой поташовских стихов всегда угадываешь автора, задумавшегося о важных проблемах сегодняшнего дня. «Игривостью» как бы прикрыта нежная душа, тревожные сомнения. В сборнике есть незавершённые стихи, но нет безразличных, необязательных, написанных ради забавы, версификаторства. И через интимную историю, и через описание с виду мещанского существования одинокой вдовы с «белой

лебедью» на стене, поэт пробивается к самому существенному, заставляет читателя оглянуться, задуматься, иначе посмотреть на привычные вещи.

Банальным показалось бы чувство тракториста к сельской девушке (стихотворение «В деревне разгул мини-юбок...»), если бы всё свелось только к этому. Ну, встретились, ну, полюбили друг друга – кого таким удивишь! В том-то и прелесть этого частного эпизода, что он пронизан авторским беспокойством за сам уровень взаимоотношений, за утрату вместе с косой, прежде бывшей символом девичьей красоты и верности, чего-то доброго, стыдливого, хорошего, простого, без чего не может быть настоящей любви; она начинает выглядеть пошлой игрой:

В деревне разгул мини-юбок,
Бесчинствует дух городской.
Тебе б показаться у клуба
С тяжёлой крестьянской косой.

Да выйти б на круг по старинке
С платочком шелковым в горсти,
Да чтоб сарафан да косынка,
А там – хоть трава не расти.

От бесчинства «городского духа» прока не жди. И не мини-юбки опасны, а незаметный, но неизбежный переход к мини-мыслям, мини-чувствам, к деградации высоких понятий. Прибегая к термину «лирический герой», скажу, что в сборнике «По небу птичья клинопись...» он не однозначен. То это неприкаянный мальчишка, оставшийся без отчего дома, завидующий «чужому уюту» и сознающий, что собственная душа «неизмерима меркой коммунальной», то ласково воспринимающий природу странник, у которого одно желание: «Лежать вот так под небом ласковым и стебель солнечный жевать», то творческая личность, берущая под защиту «старые слова», когда они весомы и поэтичны: «За слово, битое однажды, я два небитых отдаю». Или: «Поэзия не в филантропстве, не в поучительности строк. Но в том приподнятом сиротстве, в чуть-чуть уловленном не впрок».

А рядом с этим – язвительная ирония в адрес «паучьего мира» собственников: «По двору, кряжист и важен, ходит сам с лицом квасным, за надёжным этим стражем, как за валом крепостным»; убийственная характеристика «паиньки, умника, чистюли», извращающего вековечный смысл пословицы «не хлебом единым», приспособившим её к своему паразитическому существованию.

Ирония и лирика, мальчишеская наивность и зрелая мудрость счастливо соседствуют с героем и отлично дополняют одно другим. Тематически разные стихи, собранные в единое, стали исповедью, песней...

Мои беглые заметки дают лишь самое общее представление об ушедшем поэте. Каждому, кто с ним не знаком, предстоит радость открытия, как это случилось и со мной. «Клинопись» ещё нуждается в разгадке.